

Д.М. Бондаренко

РОДСТВЕННЫЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА

Понятие «государство» в свете критерия «родство — территориальность»

Подход, из которого исходит автор данной статьи, предполагает, что государство — это не только определенная система политических институтов, но прежде всего — государственное общество, то есть тип общественной организации, которой такая система политических институтов адекватна. Отсюда вытекает необходимость уделять особое внимание факту выхода в таком обществе на передний план неродственных, территориальных связей — факту, который сознательно или неосознанно упускается из виду авторами многих современных определений государства вследствие широкого распространения взгляда на государство как на всего лишь специфический комплекс политических институтов¹. В то же время мы вполне допускаем, что в некоторых случаях может оказаться разумным в аналитических целях разделять два аспекта государства и, таким образом, вести речь о государстве в двух отношениях: политическом и социальном (см.: [Бондаренко 1991]). Общество в принципе — более широкое понятие. С одной стороны, оно дополняет и увязывает воедино политические характеристики с социальными (и через них — также с экономическими). С другой стороны, социальная и политическая подсистемы общества часто развиваются асинхронно, причем чаще всего² политическая система изменяется быстрее и оказывается в состоянии достичь параметров администрации государственного типа раньше, чем преимущественно территориальное деление населения, и территория страны становится основой социальной организации. Как пишут А.У. Джонсон и Т.К. Ёрл, «в то время как в вождествах управленческие функции выполняются неспециализированными региональными институтами, в государствах рост интеграции требует выполнения

задач по контролю и управлению специализированными региональными институтами. <...> Параллельно с ростом степени разработанности управленческого аппарата нарастает стратификация. Элиты теперь не связаны родством с населением, которым они управляют...» [Johnson, Earle 2000: 304].

Однако очевидно, что в доиндустриальных обществах все их подсистемы (экономическая, социальная и т. д., включая политическую) не просто взаимосвязаны, но неразрывно переплетены друг с другом. Этот факт дает дополнительные основания для общей категоризации того или иного общества, исходя из типа организации его как целого, а не из особенностей лишь политических институтов, в нем существующих. Стоит отметить, что на понимании общественных форм (включая государство), при котором учитываются не только политические, но и социально-экономические характеристики, основываются важные для развития антропологической мысли и по сей день в большей или меньшей степени влиятельные теории эволюционистов (от Г.С. Мэйна до Ф. Энгельса), ученых французской социологической (Э. Дюркгейма, М. Мосса) и американской «исторической» (в особенности Р.Г. Лоуи) школ, британских структуралистов (Э.Э. Эванса-Причарда, М. Фортеса, Л. Мэйр и др.), представителей субстантивизма в экономической антропологии, начиная с К. Поланьи (см.: [Earle 1994: 947]). На той же посылке в той или иной мере зиждутся и знаменитые концепции американских неозволюционистов (М.Д. Салинза, Э.Р. Сервиса, М. Г. Фрида, Р.Л. Карнейро, Дж. Хааса), хотя, несомненно, в конечном счете в них «все продвижение (от локальной группы [*band*] к государству. — Д.Б.) <...> определяется в категориях политической организации» [Vansina 1999: 166].

Мы не имеем ни малейших возражений против того, что ученый может использовать любое выбранное или даваемое им самим определение государства, если оно соответствует задачам конкретного исследования и употребляется последовательно на протяжении работы или ее цельной части, но в рамках общей теории понятие государства не должно редуцироваться до его политической составляющей. В то же время, например, в концепции «архаического государства», разработанной группой археологов во главе с Г. Фейнманом

и Дж. Маркус, понятие государства действительно сведено к особому типу политической организации, поскольку государство видится исключительно «как политическая или управленческая единица» [Feinman, Marcus 1998: 4]. А. Тестар в недавних монографиях [Testart 2004; 2005] пишет о необходимости подходить к государству как к «особой общественной форме» и рассматривает общества как «элементарные единицы» (*unités élémentaires*) любого антропологического анализа. Однако парадоксальным образом, действительно анализируя процесс формирования государства с таких позиций, А. Тестар определяет его, основываясь на собственной интерпретации веберовской дефиниции, центральное место в которой занимает сугубо политический фактор — право власти на легитимное применение насилия.

В противоположность подобным подходам Х.Й.М. Классен, один из создателей концепции «раннего государства», недвусмысленно подчеркивает, что государство «есть *специфический вид социальной организации*, выражающий специфический тип общественного строя в социуме» [Классен 2002: 102; 2003: 161] (выделено мной. — Д.Б.). Именно такой взгляд (который также естественным образом предполагает учет политических аспектов социальной системы) всецело совпадает со взглядом автора данной работы. Исходя из него, мы не станем утверждать (как это делали Г.С. Мэйн, Л.Г. Морган и Ф. Энгельс), что о «завершенном государстве» — государстве в полном смысле слова, то есть и в социальном, и в политическом отношении, можно говорить лишь тогда, когда территориальный принцип организации общества вытесняет родственный практически полностью. В то же время мы не разделяем и позицию Х.Й.М. Классена, согласно которому «зачаточное», но все же государство может «ассоциироваться с доминированием родственных, семейных и общинных связей в политической сфере» [Claessen 1978: 589]³. Наша позиция — скорее промежуточная между постулатами эволюционизма XIX в. и концепцией «раннего государства»⁴. Держа в уме старую идею о доминировании «территории» над «родством», с одной стороны, и принимая во внимание достижения антропологической и исторической наук XX в. (см. ниже), мы полагаем, что о государстве в полном смысле слова можно говорить в ситуации, когда

территориальные связи явно (но не абсолютно) доминируют над родственными на надлокальных уровнях общественно-политической организации. Этот порог ниже, чем установленный, в частности, Г.С. Мэйном и Л.Г. Морганом, но выше того, который считают достаточным Х.Й.М. Классен и другие представители школы «раннего государства»⁵.

По нашему мнению, «завершенное государство» соответствует только «переходному раннему государству», «в котором в административном аппарате доминировали назначаемые чиновники, где родство влияло только на некоторые второстепенные аспекты управления» [Ibid]. Что же касается государства в узком, сугубо политическом, смысле — «ограниченного», или «неполного», государства, то мы склонны рассматривать в качестве такового общество, достигшее по крайней мере уровня «типичного раннего государства» в схеме Х.Й.М. Классена и П. Скальника. Согласно им, это «вид государства, в котором родственные связи [все еще] уравновешивались территориальными <...> [но] где выдвинувшиеся не по принципу родства чиновники и обладатели титулов [уже] играли ведущую роль в администрации» [Ibid.]. Разумеется, такие категории, как «явное, но не абсолютное доминирование», выглядят недостаточно точными и, возможно, даже оставляющими слишком обширное пространство для авторского волонтаризма, в отличие, скажем, от ситуации, когда государство определяется через утверждение об отсутствии в нем родственных связей, значимых для его функционирования на надлокальных уровнях социокультурной сложности. Но такая «мягкая» категоризация в действительности отражает и фиксирует природу и сущность образования государства как явления общественной эволюции, то есть как процесса, характеризуемого постепенностью протекания.

Даже высокоразвитые негосударственные общества, такие как сложные вождества, принято считать базирующимися на родственных связях, как не территориальные, а «родственные» по самой своей сути⁶. Показательно, что, производя критическую переоценку концепции «раннего государства», один из ее создателей — П. Скальник — открыто признал, что «раннее государство в ряде конкретных случаев, но также своей теорией зачаточного (зарождающе-

гося) государства “погловило” вождество как самостоятельную категорию» ([Skalník 2002: 6]; см. также: [Skalník 2004]). Ранее на это обратил внимание автор рецензии на две первые книги о «раннем государстве» [Claessen, Skalník 1978a; 1981] М.С. Уэбб [Webb 1984: 274–275]. В отношении «зачаточного раннего государства», которое мы не можем считать государством в каком бы то ни было смысле, Х.Й.М. Классен и П. Скальник постулируют не только доминирование родственных связей, но и «ограниченное существование профессиональных [*full-time*] специалистов» в области управления обществом [Claessen 1978: 589]. Их наличие в подобных обществах — явление «редкое» [Claessen, Skalník 1978c: 23], то есть такие администраторы не образуют объективно абсолютно необходимого и потому неустранимого ядра системы управления. Даже существование монархии не предопределяет государственный характер общества, как немонархическая форма правления необязательно свидетельствует о негосударственной природе того или иного доиндустриального общества⁷.

В данной связи имеет смысл привести замечание А. Саутхолла: «...Классен и Скальник предложили различать зачаточное, типичное и переходное ранние государства [Claessen, Skalník 1978a]. Сегментарное государство больше всего подходит под признаки зачаточного государства, но Классен вообще не считает его в том виде, в каком я его определил⁸, государством» [Southall 2000: 150]. Следовательно, в свою очередь, мы тем более не можем считать его государством. То же самое можно сказать и о «племенах-государствах», или «государствах, основанных на принципах родства» (*consanguinal states*) Л. Крадера [Krader 1968: 4], правители которых осуществляют контроль за населением, но родство продолжает оставаться базовым принципом социальной организации. Б.Г. Триггер вполне обоснованно приравнял их к зачаточному «раннему государству» Х.Й.М. Классена и П. Скальника [Trigger 1985: 48].

Еще один важный для настоящей дискуссии момент был освещен Д.Г. Андерсоном: «Как уже отмечалось мной и рядом других авторов⁹, существует огромное множество социальных и природных факторов, способствующих организационной нестабильности в вождествах, среди которых — тот

факт, что наследование власти основывалось на родстве и любое количество близких родственников вождя, таким образом, могло законно претендовать на то, чтобы занять его место, был, возможно, наиважнейшим фактором, в частности, приводившим в этих обществах к непрерывному противостоянию группировок и вооруженным столкновениям между соперничающими элитами» [Anderson 1997: 253]. Это утверждение созвучно аргументу Р. Коэна о способности государства противостоять распаду как его главной характеристике [Cohen 1981]. По нашему мнению, в позиции Р. Коэна есть большая доля преувеличения и чрезмерной однозначности (ср., например: [Adams 2001: 353–356]). Тем не менее фактологические и теоретические основания рассматривать государство как в целом более устойчивую форму социально-политической организации, нежели догосударственные сложные общества, имеются [Tainter 1990: 27]. Замена родства как базового принципа организации территориальностью и появление в прямой связи с этим специализированного профессионального административного аппарата — бюрократии¹⁰ — залог относительно большей прочности государства.

В то же время верным и надежным признаком того, что общество уже основывается на территориальных связях (то есть что оно уже представляет собой «завершенное государство»), нам видится в получении центральной властью права и реальной возможности перекраивать по своему произволу традиционные, обусловленные делением населения на родственные группы границы между занимающими территорию страны социально-политическими единицами. Если это так — если верховная власть может по своему усмотрению объединять или дробить родственные по своей сути единицы локального уровня организации общества (общины, вождества и т.п.), то, очевидно, есть основания утверждать, что, даже если последние сохранили исконную структуру и внутреннее самоуправление, они уже представляют собой всего лишь административные и налоговые единицы в более широком социуме-государстве. В такой ситуации естественно, что локальные социально-политические единицы (чаще всего это общины) управляются администраторами, либо назначаемыми, либо утверждаемыми в должности вне

них — в политическом центре регионального или/и общегосударственного уровня. Примечательно, что с переходом к государству внутренняя структура общин приобретает тенденцию к упрощению, а общинники не только облагаются разнообразными повинностями, но и зачастую получают право свободно продавать общинную землю, что, несомненно, быстро подорвало бы первоосновы социума, если бы он оставался подлинно общинным, а не государственным [Коротаев 1991: 183–184; Бондаренко, Коротаев 1999: 134; Бондаренко 2001: 236–238].

Особенно яркие примеры вышесказанного дает Ближний Восток III–II тыс. до н.э.¹¹ Утверждение и сохранение такой ситуации жизненно важно для раннего государства: если ему не удастся подчинить общину своим нуждам, наступают стагнация и упадок политической системы (как это произошло, к примеру, в XIX в. с западноафриканскими государствами Самори и Кенедугу [Tymowski 1985; 1987: 65–66]). В политиях Нового и Новейшего времени структурные несоответствия между общиной и государством, зависимое положение первой от второго совершенно очевидны (см., например: [McGlynn, Tuden 1991a: 181–272]). Обобщая, можно сказать, что в состоявшемся государстве верховная власть не развивает далее общинную социокультурную «матрицу» (модель), «а, наоборот, начинает реструктуризировать общество по своему подобию» [Беляев 2000: 195]. Безусловно, главная цель государства на пути к легитимизации — «сокращение влияния локального уровня организации на граждан» ([Kurtz 1991/1984: 162]; также см.: ([Kurtz 2008])). Если эта цель оказывается достигнутой, происходит «охват [encompassment] локальной сферы государством» [Tanabe 1996: 154].

При этом приспособление общины к нуждам государства необязательно означает конец ее развития: примерами коэволюции общинных и государственных структур могут служить, в частности, общества Северной Индии и России Средневековья и Нового времени [Алаев 2000]¹². Как правило, община разлагается только в процессе перехода общества, частью которого она является, к капитализму (см., например: [Kamen 2000: 126–137])¹³. Случаи исчезновения общины в земледельческих обществах редки; наиболее зна-

чимый из них имел место в Египте, причем уже на раннем этапе его истории, скорее всего, в Древнем царстве [Виноградов 1989: 143; Дьяконов, Якобсон 1998: 26–27]. Однако даже в этом случае «не исключено <...> что древнеегипетское крестьянство, которое, как кажется, по большей части продолжало жить в традиционных деревнях и много позже эпохи Древнего царства, могло сохранять важные аспекты общинной социальной жизни...» [Trigger 1985: 59]. К тому же «возможно, что в каком-то смысле весь Египет рассматривался как община во главе с царем, причем не соседская, а родственная...» [Дьяконов, Якобсон 1998: 27]. Несомненно, в ранних государствах бюрократия может быть развита слабо¹⁴. Кроме того, она существенно отличается по ряду параметров от бюрократии современной ([Weber 1947/1922: 333–334, 343]; также см. [Morony 1987: 9–10; Shifferd 1987: 48–49])¹⁵. Тем не менее, несмотря на сделанные оговорки, по нашему мнению, наличие или отсутствие в обществе социальной группы специализированных профессиональных администраторов, то есть бюрократии, является верным показателем его государственного или негосударственного характера¹⁶. Сами перспективы превращения политической организации общества в бюрократическую зависят не от наличия или отсутствия в нем общины, но от его общинной или необщинной сути — от того, строится сложное общество по общинной «матрице» или нет, поскольку существование бюрократии в общине не предполагает ни один ее тип. Ситуация, когда семейная, линиджная и общинная организация непосредственно влияет на форму и суть надлокальных институтов, обратилась в прямо противоположную с подъемом государства, которое стремится направлять и регулировать все сферы общественной жизни, включая такую важную, как семейные отношения ([Trigger 2003: 194, 271, 274]; см. также, например: [Schoenbrun 1999: 143–145; Crest 2002: 351–352, 353]).

Государство и идеология родства

Как особо подчеркивает М. Годелье, «родство может в любой момент быть преобразовано в идеологическую конструкцию...» [Godelier 1989: 6] (выделено нами. — Д.Б.). Сама социальная природа родства, которая позволяет объяв-

лять и считать родственниками не только тех, кто является таковыми биологически, дает возможность манипулировать родством как идеологией в различных целях. Вследствие этого «в сложных обществах <...> можно обнаружить <...> стратегии использования родства во имя сохранения или приобретения богатства и власти. Родством манипулируют во имя выгодного обращения с отношениями богатства и власти, существующими помимо и вне родства» [Ibid.: 8]. Действительно, не только «примитивные», но и «сложные социально-политические системы могут быть легитимизированы в категориях родства...» [Claessen 2000b: 150]. Например, в государстве инков осуществление манипуляций с терминологией родства было обычным, широко распространенным путем достижения самых разных политических целей [Silverblatt 1988; Zuidema 1990]. Уже в типологически догосударственных обществах идеология родства может превратиться в эффективное средство манипулирования массовым сознанием ради утверждения социального и политического неравенства. Фиктивные генеалогии местных и пришлых вождей и привлечение труда бедняков богачами под видом родственной помощи — явления, которые сразу же приходят в голову в этой связи¹⁷. Конечно, также «в большинстве ранних государств <...> всеобъемлющие идентичности [*overarching identities*] обычно выражались в терминах символического родства с божествами, королями и королевами, часто изображавшимися “отцами и матерями” своих подданных» ([Spier 2005: 120]; также см.: [Trigger 1985]). Таким образом, для подданных ранних государств было типично восприятие государства по аналогии с семьей, а суверена — по аналогии с ее главой (см., например: [Ray 1991: 205; Vansina 1994: 37–38; Tymowski 1996: 248]). Исключениями из этого правила могли являться немногочисленные в истории обширные первичные «территориальные государства», такие как Египет или Китай, в которых сакральность верховного правителя имела универсализирующий характер, будучи направлена на утверждение идеологии территориального государства путем преодоления сопротивления идеологии родства [Демидчик 2002].

Более того, не только в ранних, но нередко и в «зрелых государствах» коннотации между обществом и семьей, авто-

ритарным правителем и главой семьи осознанно эксплуатируются в целях более прочной легитимации власти. Например, так было во Франции в XVI–XVIII вв. [Crest 2002]. Королева Англии XVI в. Елизавета I отказывалась выходить замуж за кого-либо, утверждая идеологический постулат о том, что она мистически помолвлена со своим народом, а королевская пропаганда навязчиво внедряла ее образ как «Матери Страны» [Smith 1976]. В дореволюционной России патерналистский дискурс отношений между монархом и подданными, хотя и не был внедрен официально и формализован, все же культивировался в массовом сознании¹⁸ и оказывал решающее воздействие на народные представления об обязанностях и поведении идеального суверена [Лукин 2000]. Даже И.В. Сталина в индустриализованном, территориально организованном и забюрократизированном Советском Союзе пропаганда неофициально, но каждодневно провозглашала «отцом народов» (а вождя социалистической революции, когда о нем рассказывали детям, вплоть до конца советского периода истории страны называли «дедушкой Лениным»). Также и основатель современного светского турецкого государства известен под именем «Ататюрк» — «отец турок», а в Китае Сунь Ятсену посмертно (в 1940 г.) правительством был официально присвоен титул «отца нации»¹⁹. Эксплуатация идеи уподобления общества семье, а главы государства — главе семьи достаточно широко распространена в странах третьего мира с авторитарными и тоталитарными политическими режимами. К примеру, бывший президент Того Г. Эйадема в годы нахождения у власти был провозглашен «отцом нации», как и ныне экс-президент Кении Д. арап Мои [Садовская 1999: 58]. В Заире (с 1997 г. — Демократическая Республика Конго) население призывалось разучивать и петь хором песни о «брачном союзе между народом и вождем» — тогдашним главой государства Мобуту [Там же: 61]. На другой аспект проблемы процветания идеологии родства в постколониальных африканских государствах обратил внимание Й. Аббинк: «В современной африканской политической культуре бросается в глаза роль этничности и порожденных ею конструкций: культура и “фиктивное родство” превращаются в коллективную идентичность, на основе которой выдвигаются социальные и по-

литические требования и создаются общественно-политические движения» [Abbink 2000: 5].

Итак, ясно, что идея уподобления общества семье и, следовательно, его правителя — главе последней представляется естественной и самоочевидной в рамках конкретного вида мышления, и неслучайно этот образ охотно эксплуатировался уже в древних государствах Востока и Запада (см. [Нерсесянц 1985; Stevenson 1992]). Также не вызывает сомнений, что этот идеологический постулат был не полной инновацией, появившейся лишь с возникновением государства, но итогом переосмысления в новых условиях более древней, догосударственной идеологии²⁰.

Однако случаи использования идеологии родства в государствах не следует путать с примерами ситуации совершенно иного рода. Даже в очень сложных доиндустриальных обществах (не менее сложных, чем многие ранние государства) характер социумов и направления их развития определяются не «сверху» (как должно быть в государствах), а «снизу», то есть с уровня локальной общины, которая, в свою очередь, пронизана родственными связями. По нашему мнению, такие общества не могут называться государствами и, следовательно, с учетом высокого общего уровня их социокультурной сложности должны обозначаться как «альтернативы государству» (см., например: [Bondarenko 2006]). Например, в Королевстве Бенин в XIII–XIX вв.²¹ политические отношения «естественным образом» воспринимались и выражались в терминологии родства²². Духи монарших предков «распространяли» свою власть на всех подданных суверена. Однако в Бенине родство было не только идеологией; оно было гораздо большим — подлинной, «объективной» социокультурной основой этого суперсложного общества²³, стягивавшей его в «мегаобщину» — иерархию социальных и политических институтов: от большой семьи через общину²⁴ и вождество к «королевству», «матричным» элементом которой являлась родственная семейная община (см., например: [Бондаренко 1995а; 1995б; 2001; Bondarenko 2004; 2006: 64–88, 96–107]).

Целостность мегаобщины обеспечивалась в принципе теми же разнообразными механизмами, что и общины. Само существование и процветание жителей мегаобщины, по их

собственному убеждению, гарантировалось наличием династии сакрализованных верховных правителей, титулованных *оба* [Бондаренко 1995а: 176–180]. Мегаобщинные институты возвысились над общинами и вождествами, утвердили свое доминирование над ними. Но в общинном по своей глубинной сути бенинском социуме, в котором территориальные связи не имели безусловного приоритета перед родственными, даже те, кто управлял им на высшем уровне, не были профессиональными администраторами. Специфика бенинской мегаобщины заключалась в организации в ее пределах на достаточно большом пространстве сложного, «многоярусного» общества на основе в первую очередь не территориального принципа, а трансформированного принципа родства, унаследованного от гетерогенной общины, в которой большие семьи не просто соседствовали, но сохраняли родственные отношения друг с другом. Таким образом, в бенинской общине родственные связи дополнялись территориальными. Безусловно, в процессе сложения мегаобщины и после его завершения (возможно, к середине XIII в.) значение территориальных связей существенно возросло. Однако следует еще раз подчеркнуть, что, как и прежде, эти связи были «встроены» в систему родственных отношений не только в идеологической сфере, но и в реалиях социально-политической организации [Bradbury 1957: 31]. Община не просто сохранилась: она продолжала играть роль базового социально-политического института, сколько бы «уровней сложности» ни надстраивалось над ней [Bradbury 1966: 129].

Помимо Бенина XIII–XIX вв., в доколониальной Африке мегаобщиной, в частности, можно признать королевство Бамум конца XVI–XIX вв. в лесной зоне современного Камеруна — суперсложное общество, которое представляло собой результат расширения вплоть до высшего уровня линиджных принципов и форм организации: «максимальный линидж» [Tardits 1980]. Аналогично в «традиционных королевствах», располагавшихся в саваннных областях того же постколониального государства, «монархическая система ... ни в коей мере не является совершенно уникальной и единственной формой организации, но представляет собой структуру, фактически идентичную структуре линиджных групп»

[Koloss 1992: 42]. За пределами африканского континента мегаобщины (не обязательно бенинского типа, то есть основанные на родственных локальных общинах) могут быть опознаны, например, в индийских обществах конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. Естественно, отличаясь во многих отношениях от бенинской модели, они тем не менее характеризовались наличием главной отличительной черты мегаобщины как негосударственного типа общественной организации — интеграции суперсложного общества на общинной основе и направления их развития «снизу вверх». Так, А.М. Самозванцев [2001] описывает эти общества как пронизанные общинными порядками, несмотря на различия в конкретных формах социально-политической организации. «Принцип общинности», утверждает он, был важнейшим фактором, определявшим социальную организацию индийских политий в тот период (см.: [Лелюхин 2001; 2004]). На юге Индии подобное положение сохранялось намного дольше, до времени империи Виджаянагара — середины XIV в., когда в регионе наконец произошли «усиление централизации политической власти и как следствие — концентрация ресурсов в руках царской бюрократии» [Palat 1987: 170]. Примеры суперсложных обществ, выстроенных по общинной «матрице», дает и Юго-Восточная Азия I тыс. н.э.: таковы были Фунань и, возможно, Дваравати ([Ребрикова 1987: 159–163]; см., однако: [Mudar 1999]). Специфика мегаобщины становится особенно ясной при сравнении ее с «галактическими» государствами, исследованными в Юго-Восточной Азии С. Тамбия [Tambiah 1977; 1985]. Подобно им, мегаобщина имеет политический и ритуальный центр — столицу, являющуюся резиденцией сакрализованного правителя, — и ближний, средний и дальний «круги периферии» вокруг нее. Однако, несмотря на кажущуюся центростремительность, подлинный социокультурный фокус мегаобщины — община, а не политико-ритуальный центр, как в «галактических» государствах, где «круги периферии», образуемые прежде всего локальными общинами, образно говоря, вращаются вокруг него, как планеты вокруг Солнца. Мегаобщинами, основанными на общинах с доминированием не родственных, а территориальных (соседских) связей, гражданскими мегаобщинами можно считать общества по-

лисного типа [Бондаренко 1998; 2000; 2001: 259–263; 2004; Bondarenko 2006: 92–96; Штырбул 2006: 123–135].

Таким образом, прямого соответствия между социально-политическими (переход к государству) и идеологическими (отход от идеологии родства) процессами не существует, и этот, казалось бы, очевидный факт следует признавать и принимать во внимание исследователям.

Дихотомия «родство — территория»: ложная, но значимая

Как известно, Г.С. Мэйн и Л.Г. Морган противопоставляли основанное на родстве догосударственное общество (*societas*) организованному территориально обществу государственному (*civitas*) как проникнутое якобы изначальными «естественными» связями, держащемуся на связях в этом смысле искусственных. Однако уже на заре XX в. Г. Шурц, а окончательно в середине прошлого века британские структуралисты и американские боасианцы показали, что Г.С. Мэйн и Л.Г. Морган (как и позднее, следуя Л.Г. Моргану, Ф. Энгельс²⁵) постулировали оппозицию между родством и территориальностью слишком жестко²⁶ даже тогда, когда признавали наличие у феномена родства не только биологического, но и социального измерения²⁷. Они (как и ряд других антропологов середины XX в.) собрали неопровержимые доказательства важности территориальных связей в негосударственных обществах. В результате уже в 1965 г. И.М. Льюис имел все основания утверждать, что «фундаментально территориальный характер любых социальных и политических объединений, действительно, обычно воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и [это положение] распространяется на общества с сегментарными линиджами в той же мере, что и на общества других типов» [Lewis 1965: 96]. Годом позже Э.Г. Уинтер категорично утверждал, что, хотя дихотомия между родством и территориальностью была «полезной» для науки во времена, когда вопрос о ней поставил Г.С. Мэйн, «это время прошло» [Winter 1966: 173]. Начиная примерно с того же времени археологи и антропологи пишут о территориальности даже самых «примитивных» человеческих сообществ — локальных групп неспециализированных охотников и собирателей

(например: [Campbell 1968; Peterson 1975; Cashdan 1983; Casimir, Rao 1992]). Наконец, социобиологи, основываясь главным образом на этнографических материалах по наиболее архаичным социумам, развивают тезис о том, что чувство территориальности — ощущение некой территории как своей и готовность защищать ее от вторжения чужаков — есть врожденная черта, унаследованная человеком от дочеловеческих предков [Ardrey 1966; Malmberg 1980].

В то же время историки, в особенности медиевисты, показали, что типологически не-, а по происхождению — догосударственные институты родства сохранялись и продолжали играть важную роль и в государственных обществах (например: [Bloch 1961/1939–1940: 141 ff.; Genicot 1968; Duby 1970]). С. Рейнолдс даже жаловалась в 1990 г.: хотя «все, что мы знаем о средневековом [западноевропейском] обществе, не оставляет сомнений в важности родства <...> мы (медиевисты. — Д.Б.), в прошлом зачастую акцентировали внимание на родстве в ущерб другим [социальным] связям» [Reynolds 1990: 4]. Что же касается антропологов, то к середине 1950-х гг. «полевые исследования показывали раз за разом, что на протяжении тысячелетий и во многих географических широтах родственные связи сосуществовали с докапиталистическим государством» [Murra 1980: XXI]²⁸. В итоге оказалось, что проблема родства и территории — это вопрос меры, соотношения между ними, а не наличия или отсутствия, хотя общей социоисторической тенденцией действительно является постепенное вытеснение родственных институтов территориальными на надлокальных уровнях социокультурной и политической сложности. При этом антрополог А. Тестар настаивает на исключении контроля над четко очерченной территорией из определения государства. Он справедливо отмечает, что жесткая привязка государства как совокупности подданных к определенной территории — это правовая традиция, возникшая только в Новое время и наложившая явственный отпечаток на антропологическую мысль [Testart 2005: 81–82]²⁹. Действительно, в архаических обществах власть суверена, как правило, воспринимается как власть над людьми, а не над некой частью земной поверхности (см., например: [Копытофф 1987]). Так, в Бенине вплоть до конца его доколониальной истории иностранцем

считался не тот, кто родился или жил вне пределов политики, а человек, не признававший бенинского верховного правителя своим сувереном [Melzian 1937: 43].

Несомненно, М.Х. Фрид был предельно точен, утверждая, что государство базируется не на неродственном, а на «надродственном» (*suprakin*) фундаменте [Fried 1970/1960: 692–693].

Помимо прочего, вопрос о возникновении государства как социально-политической единицы, основанной на территориальном принципе и имеющей преимущественно территориальный характер, серьезно осложняется еще одним важным обстоятельством. С одной стороны, раннее государство безусловно — по определению — иерархично (или «гомоархично», как нам представляется более правильным называть подобные общества, см., например: [Bondarenko 2006; 2007; Bondarenko, Nemirovskiy 2007])³⁰, тогда как, с другой стороны, негосударственные гомоархические общества характеризуются именно большей ролью родственных связей по сравнению с той ролью, которую эти связи играют в гетерархических («неиерархических») обществах того же уровня социокультурной сложности [Bondarenko 2006]. Эта закономерность обнаруживается уже у приматов, в частности у рода *Macaca*, в котором «виды с более деспотическим стилем доминирования существенно более ориентированы на тесные дружественные связи и альянсы с родственными особями по сравнению с видами, обладающими более эгалитарными внутригрупповыми отношениями» [Бутовская 2002: 59]. То же показывает и сравнение гетерархических («эгалитарных») и гомоархических («неэгалитарных») обществ неспециализированных охотников-собирателей, например бушменов и аборигенов Австралии [Артемова 2002]. Этот паттерн сохраняется и в гораздо более сложных обществах, включая многие современные страны второго и третьего миров (см.: [Бондаренко 2000; Bondarenko, Korotayev 2000; 2004]). В них связь между родственной ориентацией и гомоархической социально-политической организацией намного сложнее, а родственная ориентация обычно институализирована и санкционирована обширным комплексом культурных норм, мифов, верований и традиций, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние

на процессы социально-политической трансформации. Таким образом, сильная родственная ориентация одновременно является и предпосылкой социокультурной и политической гомоархизации, необходимой для формирования раннего государства, и препятствием на пути к государству как преимущественно неродственной форме общественно-политической организации.

Еще один тонкий момент заключается в том, что, с одной стороны, в основе государства не могут не лежать преимущественно территориальные связи, но, с другой стороны, это вовсе не значит, что никогда не существовало основанных на них же сложных негосударственных обществ (см., например: [Березкин 1995]). Более того, наиболее сложные из числа подобных обществ, такие как союзы соседских общин — «республики» или «вольные общества» Нагорного Дагестана³¹, вполне обоснованно могут быть признаны альтернативами раннему государству, то есть должны рассматриваться как сущностно не-, а не догосударственные общества (в частности, см.: [Коротаев 1995; Bondarenko 2006; Штырбул 2006]).

Принимая во внимание все вышесказанное, мы тем не менее все же согласны с утверждением, что «наиболее фундаментальное <...> различие (между государственными и негосударственными обществами. — Д.Б.) заключается в том, что государства организованы на политических и территориальных началах, а не на началах родственных...» [Diamond 1997: 280]. Следовательно, мы также полагаем, что принцип организации общества — преимущественно родственный или территориальный — как критерий различения государственных и негосударственных социумов значим и заслуживает внимания. Что необходимо четко сознавать и постоянно помнить при использовании этого критерия — его подлинно эволюционный характер: «Деления [общества], основанные на родстве, утрачивают свою важность в пользу институциональных, политических и экономических делений *постепенно*» [Tymowski 2008: 172] (выделено нами. — Д.Б.). В данном отношении история представляет собой континуум социально-политических форм, располагающихся в типологической последовательности. В этой последовательности можно обнаружить общую динамику от большей к меньшей

значимости родственных связей по сравнению с территориальными, в итоге приведшую к тому, что «родство и другие типы предписанных (*ascriptive*) отношений перестали быть центральными организующими принципами общества» [Hallpike 1986: 1]. Таким образом, нет никаких оснований искать в истории того или иного общества момент некоего скачка — от полного (или даже почти полного) доминирования родства к абсолютному господству территориальных связей.

¹ То же самое можно сказать и о характеристиках, даваемых общественным формам, по сравнению с которыми определяется государство; например, Т.К. Ёрл прямо утверждает, что «вождества должны пониматься как политические системы» [Earle 1991: 14]. В то же время Л.Г. Моргану — *volens nolens* предшественнику всех последующих теоретиков и изначальному, пусть ныне чаще всего косвенному, источнику вдохновения для многих из них — явление, рассматриваемое нами в данной статье, виделось более фундаментальным, нежели сложение собственно политической организации государства [Morgan 1877].

² Хотя и не всегда: регион, дающий, вероятно, наиболее важные в долгосрочной исторической перспективе примеры исключения из правила, — Европа, в некоторых частях которой унилинейные родственные группы исчезли на ранних этапах истории, будучи заменены нуклеарной (малой) семьей и соседской (территориальной) общиной. Так, в Греции это произошло к началу гомеровского периода [Андреев 1976: 74–78; Roussel 1976; Фролов 1988: 79–80] (о *genos* как не роде см.: [Smith 1985: 53]), в Лации — еще до основания Рима и утверждения в нем царской власти в VIII в. до н.э. (см., например: [Дождев 2002]; здесь же см. критику взгляда на *gens* как на род). В Скандинавии унилинейные родственные группы распались к концу бронзового века после переходного в этом смысле периода доминирования линиджа и большой семьи (примерно с 2600 г. до н.э.) [Earle 1997: 25–26, 163; Anderson 1999: 14–15]. Это привело не только к сложению территориальной организации общества ранее развитого бюрократического аппарата управления им [Kristiansen 1998: 45, 46], но и в совокупности с рядом других демократизирующих общественно-политический строй инноваций, например, утверждением моногамии [Коротаяев, Бондаренко 2001], внесло существенный вклад в появление «феномена Европы», «европейского чуда» — современной европейской цивилизации. А.В. Коротаяев убедительно показал, что «глубокая христианизация» способствует утверждению общинной (а в перспективе и надобщинной) демократии, разрушая унилинейную родственную организацию [Korotayev 2003; 2004: 89–107, 119–137]. Мы полагаем, что и обратное утверждение может быть верным: глубокая христиани-

зация легче достижима в социальной среде, характеризующейся отсутствием или слабостью унилинейной родственной организации. Следует обратить внимание и на то, что христианство имеет глубокие корни в древнем еврейском монотеизме; ветхозаветные пророки же начали проповедовать в ситуации постепенного ослабления (хотя и не разложения) у евреев родовой организации после образования Израильского царства [Никольский 1914: 385–415; Вейнберг 1997]. Также кажется разумным предположить, что, во-первых, именно ослабление унилинейной родственной организации, а не переход к территориальному делению общества само по себе внесло вклад в рождение «европейского чуда» и, во-вторых, что территориальная организация, тем не менее, является независимой переменной. Примерами, подтверждающими оба предположения, могут служить политически демократические племенные общества Западной и Центральной Азии, Северной Африки от древности до наших дней и даже Европы Нового времени, в которых сосуществуют территориальное деление, унилинейная родственная организация, в том числе в форме рода, и не христианские (ныне преимущественно исламские) религиозные верования (см., например: [Evans-Pritchard 1949; Barth 1959; Whitaker 1968; Irons 1975]). Второе предположение также подтверждается, к примеру, сведениями о североамериканских племенных обществах с отчетливо прослеживающимися в них унилинейными родственными группами (см., например: [Morgan 1851; Lowie 1935; Dräger 1968]). Завершая одну из своих статей, Ю.Е. Березкин [2000: 264] обращается к читателю с вопросом: «Нельзя ли предположить, что именно изначальная неразвитость фратриально-родовых институтов способствовала повышению роли личности, в результате чего формирование иерархий внутри общин оказалось затруднено?» Мы уверены, что такое предположение обоснованно.

³ Нашу дискуссию с Х.Й.М. Классеном по этому вопросу см.: [Bondarenko 2008; Claessen et al. 2008: 245–246].

⁴ Ярким примером проявления разницы в подходах ранних (и не только ранних) эволюционистов и теоретиков «раннего государства» к проблеме соотношения родственных и территориальных связей в государствах могут служить их трактовки замены меровингского титула «король франков» капетингским «король Франции». Для Г.С. Мэйна ([Maine 1861: 61–63]; также см.: [Sahlins 1968: 6]) она означала трансформацию догосударственного общества в государственное, а для Х.Й.М. Классена — продвижение общества от одного типа «раннего государства» к другому: от «зачаточного» через «типичное» к «переходному» [Claessen 1985].

⁵ Помимо [Claessen 1978] см., в частности, [Claessen, Skalnik 1978c; Claessen 1984; 2005: 151–154; Claessen, Velde 1987: 4–5; Bargatzky 1987].

⁶ В частности, см.: [Earle 1997: 5; Milner 1998: 2; Kottak 2002: 242, 259, 269].

⁷ См.: [Vansina et al. 1964: 86–87; Vansina 1992: 19–21; Quigley 1995; Oosten 1996; Wrigley 1996; Wilkinson 1999; Simonse 2002; Skalník 2002; 2007; Bondarenko 2006: 93–94]. Не вызывает никаких сомнений, что монархия — наиболее распространенная форма политического режима в доиндустриальных государственных обществах, особенно в ранних государствах или цивилизациях (см.: [Claessen 1978: 535–596; Trigger 2003: 71–91, 264]). Тем не менее образцы немонархических бюрократических режимов встречались еще в древности и Средневековье. Например, в олигархической Венеции с 1297 г. и вплоть до ее оккупации Наполеоном в 1797 г. Великий совет, состоявший из взрослых мужчин — представителей определенных семей элиты, отбирал и избирал администраторов, включая главу политики (*дожа*), среди своих членов без всякого взаимодействия с народом. По сути, с точки зрения общества, в целом это было назначение узким кругом лиц, которому назначенцы и были подотчетны (см., например: [Romano 1987; Zannini 1993]). Тенденция к постепенному превращению в олигархическое бюрократическое государство (при сохранении формального правового равенства всех граждан) отчетливо проявлялась и в Новгородской республике, пока не была прервана на очень поздней стадии или вообще после своей полной реализации вследствие включения Новгорода в состав Московского царства в 1478 г. [Бернадский 1961]. Подчинение Новгорода Москве было предопределено его поражением в битве на р. Шелонь семью годами ранее; примечательно, что именно «вырождение на протяжении XV в. феодальной демократии Новгорода в откровенную олигархию привело к тому, что городские низы не поддержали боярское правительство. Это и обусловило поражение республики» [Хорошкевич 1992: 453–454]. В ганзейском городе Росток в конце XV — начале XVI в. «патрициат был не только экономически самой могущественной группировкой городского населения». В это время «он сосредоточил в своих руках также всю полноту политической власти, причем в рассматриваемый период усилился олигархический характер городского управления. Право заседать в городском совете узурпировалось ограниченным кругом патрицианских семейств...» [Подаляк 1988: 131]. Общественно-политический строй многих других суверенных городов позднесредневековой Северной и Южной Европы, чье процветание обеспечивалось морской торговлей, в конце концов обрел те же черты [Schildhauer et al. 1985; Brady 1991; Shaw 2001]. Таким образом, отсутствие монархии не означает априори ни отсутствия государства, ни его демократического характера.

⁸ См.: [Southall 1956; 1988; 1991; 1999].

⁹ См., например: [Webb 1975; Peebles, Kus 1977; Wright 1977; Carneiro 1981; Smith 1985; Spencer 1987; Earle 1991; Anderson 1994; 1996].

¹⁰ Например, [Diamond 1997: 281; Bondarenko 2006: 64]. При отношении к государству как типу общества, а не только как к форме политической организации именно неразрывная сущностная связь меж-

ду переходом к преимущественно территориальной (надродственной) социальной организации и появлением бюрократии не позволяет нам принять идею «небюрократического государства» [Vliet 1987; 2005; 2008; Testart 2004; Гринин 2006; 2007]. Прочно вставшая на ноги бюрократия может быть необходима для управления только территориально-организованными обществами, в то время как отнюдь не каждое подобное общество действительно нуждается в бюрократическом аппарате управления и имеет его. По нашему же мнению, как уже отмечалось, лишь при наличии в обществе обоих феноменов о нем можно говорить как о «завершенном государстве», государстве в полном смысле слова. Становление бюрократии может начаться (и чаще всего начинается) до перехода социума к территориальной организации, но если зачаточная бюрократия имеет перспективы полного сложения, она добивается перехода общества на преимущественно территориальный принцип организации во имя достижения своих собственных политических и экономических целей.

¹¹ Помимо многочисленных публикаций, посвященных отдельным обществам, см. в общих и сравнительных исследованиях, например: [Бутинов 1967; Зак 1975: 242–265; Maisels 1987: 345–346; 1990: 154–161, 252–264; Илюшечкин 1990: 160–162; Дьяконов, Якобсон 1998; Baines, Yoffee 1998: 225–227].

¹² Разумеется, сосуществование общины и государства — также одна из наиболее характерных и важных черт социально-политической организации многих современных постколониальных стран, в особенности африканских. Однако такие примеры не имеют отношения к проблематике данной статьи, поскольку государство, по крайней мере в своей нынешней форме, появилось там не в результате протекания внутренних процессов, а вследствие навязывания и внедрения его извне в XIX–XX вв. То есть подобные случаи демонстрируют примеры именно сосуществования, а не органичной коэволюции общины и государства.

¹³ Тогда же разрушаются и архаические институты родства [Parsons 1960; 1966].

¹⁴ Это обстоятельство многократно отмечалось исследователями, в том числе в 2000-е гг., см., например: [Johnson, Earle 2000: 248; Claessen 2003: 162; 2008: 12–13; Крадин 2004: 179; Chabal et al. 2004: 28; Christian 2004: 273–274; Гринин, Коротаев 2009: 200].

¹⁵ Притом что существует много поразительных совпадений между современной западной и древней китайской бюрократической машинами, на что обратил внимание создатель «теории бюрократии» М. Вебер (см.: [Крил 2001/1970: 13–17]).

¹⁶ См.: [Bondarenko 2006: 25–30]; также см., например: [Flannery 1972: 403; Cohen 1978a; 1978b: 36; Britan, Cohen 1983; Haas 1995: 18; Johnson, Earle 2000: 35; Spencer 2003: 11185; Spencer, Redmond 2004: 173; Llobera 2007: 110–111; Claessen 2008: 12–13; Kradin 2008: 115–118].

¹⁷ См, например: [Аверкиева 1970; Irons 1975; Barth 1987; Hedeager 1992: 153–155; Scarry 1996: 35, 57; Colarusso 1997; Robertshaw 1999: 124–127; Bulbeck, Prasetyo 2000: 133–134; Claessen 2000a; Булатова 2003: 218; Дамдынчап 2006: 14, 18; Wolf 1966].

¹⁸ Достаточно вспомнить такие устойчивые выражения, как «царь-батюшка» и «царица-матушка».

¹⁹ За информацию о Сунь Ятсене автор признателен В.Ц. Головачеву.

²⁰ Это догосударственное наследие особенно ощутимо в политической философии Конфуция, в которой государство уподоблено клану, а суверен — его главе (см., например: [Переломов 1993; Васильев 1985: 165–172]). Примечательно, что идеи Конфуция имели глубокие корни в архаических народных религиозных верованиях [Baum 2004]. В первую очередь это был культ предков, прослеживаемый в Китае со времени культуры Луншань, то есть с III тыс. до н.э. [Степугина 2004: 379].

²¹ Ныне его земли составляют юго-западную часть Федеративной Республики Нигерия, и, следовательно, доколониальный Бенин исторически не имеет ничего общего, кроме имени, с находящимся западнее современным государством.

²² Что вообще типично для так называемых «традиционных» африканских обществ, независимо от того, классифицируются они учеными как государства или нет (см.: [Diop 1958–1959: 16; Armstrong 1960: 38]; также см., например, [Kaberry 1959: 373; Tardits 1980: 753–754; Tymowski 1985: 187–188; Ray 1991: 205; Skalnik 1996: 92]).

²³ То есть превосходящего по уровню структурной сложности составное вождество [Bondarenko 2006: 24–25, 54–63, 89–107].

²⁴ В Бенине община, как правило, состояла более чем из одной большой семьи.

²⁵ В марксистской теории переход от родственных связей к территориальным начал рассматриваться как сущностно важная предпосылка сложения общественных классов, в отсутствие которых появление государства провозглашалось невозможным, так как государство виделось политической организацией, предназначенной для обеспечения доминирования в обществе эксплуататорских классов. В частности, Ф. Энгельс писал: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [Энгельс 1985/1884: 198–199]. Наиболее жестко этот постулат был сформулирован В.И. Лениным: «Государство является там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы» [Ленин 1974/1917: 67].

²⁶ Ср.: [Maine 1861; 1875; Morgan 1877; Энгельс 1985/1884с: Schurtz 1902; Evans-Pritchard 1940: 198 ff.; 1951; Fortes, Evans-Pritchard 1987/1940: XIV–XX, 6–7, 10–11; Lowie 1927; 1948: 10–12, 317–318; Brown 1951; Schapera 1956; Kaberry 1957; Middleton, Tait 1958: 5; Mair 1965: 99–100; 1970/1962: 11–16]; также см.: [Balandier 1967: Ch. 3; McGlynn, Tuden 1991b: 5–10; Bargatzky 1993: 267–269]. Недавнюю критику попыток современных эволюционистов посмотреть на процесс нарастания социокультурной сложности (включая образование государства) в свете идеи необратимого движения общественной организации от «родства» к «территории» см.: [McIntosh 1999: 1–30, 166–172].

²⁷ Обзор изменений господствующих взглядов по вопросу о глубинной природе феномена родства — биологической или социальной — с середины XIX до начала XXI в. и обоснование тезиса о родстве как связанном с биологией социальном феномене см.: [Bondarenko 2006: 64–66].

²⁸ См. также: [Lewis 1965: 99–101; 1999: 47–48; Claessen 1978: 589; Claessen, Skalnik 1978b: 641; 1978с: 22; Коротаев, Оболонков 1989; Tainter 1990: 29–30].

²⁹ При этом, впрочем, не следует упускать из вида, что эта правовая традиция Нового времени коренилась в политическом и идеологическом наследии предшествующей эпохи — Средневековья: В этой связи вновь вспомним превращение мерovingского титула «король франков» в капетингский «король Франции» [Claessen 1985].

³⁰ В хорошо известном «каноническом» определении раннего государства Х.И.М. Классена и П. Скальника нами выделены курсивом те его фрагменты, из которых явственно вытекает, что этот феномен имеет иерархическую (гомоархическую) сущность: «Раннее государство — это *централизованная социально-политическая организация* для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном как минимум на два основных слоя, или формирующихся общественных классов — *управляющих и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим доминированием первых* и данническими обязанностями последних, будучи легитимизированы общей идеологией, в основе которой лежит принцип реципрокности [Claessen, Skalnik 1978b: 640]. В разработанном совсем недавно уточненном определении раннего государства выделенные нами курсивом фрагменты определения 1978 г. практически не претерпели изменений, и, следовательно, безусловно гомоархический характер раннего государства вновь нашел полное выражение в его дефиниции [Claessen et al. 2008: 260; Claessen 2008: 13].

³¹ См., например: [Хашаев 1961; Ихиллов 1967; Шихсаидов 1975; Агларов 1988].

Аверкиева Ю.П. 1970. Индейское кочевое общество XVIII–XIX веков. М.: Наука.

Агларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М.: Наука.

Алаев Л.Б. 2000. Л.Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Восточная литература.

Андреев Ю.В. 1976. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: ЛГУ.

Артемова О.Ю. 2002. Начальные стадии политогенеза // ЦМП. С. 65–83.

Беляев Д.Д. 2000. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные // АПЦ. С. 186–196.

Березкин Ю.Е. 1995. Модели среднемасштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // АПРГ. С. 94–104.

Березкин Ю.Е. 2000. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // АПЦ. С. 259–264.

Бернадский В.Н. 1961. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л.: Наука.

Бондаренко Д.М. 1991. Возникновение классов и государства и некоторые особенности их функционирования в докапиталистических обществах // Концепции общественного прогресса. Точка зрения африканистов / ред. К.М. Труевцев. М.: Институт Африки АН СССР. С. 141–165.

Бондаренко Д.М. 1995а. Бенин накануне первых контактов с европейцами: человек, общество, власть. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко Д.М. 1995б. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин // АПРГ. С. 139–150.

Бондаренко Д.М. 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // Восток. № 1. С. 195–202.

Бондаренко Д.М. 2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // АПЦ. С. 198–206.

Бондаренко Д.М. 2001. Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко Д.М. 2004. Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации // Alaica. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева / ред. О.Е. Непомнин. М.: Восточная литература. С. 32–53.

Бондаренко Д.М., Кортаев А.В. 1999. Политогенез, «гомоло-

гические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых .политантропологических гипотез) // ОНС. Вып. 5. С. 128–139.

Булатова А.Г. 2003. Рутульцы в XIX — начале XX в. (историко-этнографическое исследование). М.: ИЭА РАН.

Бутинов Н.А. 1967. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира // ОСО. С. 168–191.

Бутовская М.Л. 2002. Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности // ЦМП. С. 39–64.

Васильев Л.С. 1985. Политическая и правовая мысль древнего Китая // История политических и правовых учений (Древний мир) / ред. В.С. Нерсисянц. М.: Наука, 1985. С. 156–208.

Вейнберг И.П. 1997. Палестина в первой половине I тысячелетия до у.э. // ИВ. С. 351–369.

Виноградов И.В. 1989. Раннее и Древнее царства Египта // ИДМ. Т. I. С. 140–160.

Гринин Л.Е. 2006. Раннее государство и демократия // РГАА. С. 337–386.

Гринин Л.Е. 2007. Государство и исторический процесс. Т. II: Эволюция государства: от раннего государства к зрелому. М.: Ком-Книга.

Гринин Л.Е., Кортаев А.В. 2009. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Либроком.

Дамдынчип В.М. 2006. Роль обычного права в развитии тувинского общества (вторая половина XIX — первая половина XX в.): автореф. дис. ... к.и.н. Абакан: Хакасский гос. ун-т.

Демидчик А.Е. 2002. Примечательная особенность идеологии древнейших территориальных государств // История и культура Востока Азии / ред. С.В. Алкин. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. Т. I. С. 76–79.

Дождев Д.В. 2002. Рим (VIII–II вв. до н.э.) // ЦМП. С. 275–305.

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. 1998. Гражданское общество в древности // ВДИ. № 1. С. 22–30.

Зак С.Д. 1975. Методологические проблемы изучения сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки / ред. Д.А. Ольдерогге, С. А. Маретина. М.: Наука. С. 233–311.

Илюшечкин В.П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука.

Ихлов М.М. 1967. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала: ИИЯЛ.

Кортаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовобразования и политогенеза // АО. Т. I. С. 136–191.

Кортаев А.В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. № 3. С. 18–26.

Кортаев А.В., Бондаренко Д.М. 2001. Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование // АР. Вып. 7. С. 173–186.

Кортаев А.В., Оболюков А.А. 1989. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // СЭ. № 2. С. 36–45.

Крадин Н.Н. 2004. Политическая антропология. М.: Логос.

Крил Х.Г. 2001/1970. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: Евразия.

Лелюхин Д.Н. 2001. Концепция идеального царства в «Артахаштре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства // ГИО. С. 9–148.

Лелюхин Д.Н. 2004. Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчави // ГДВ. С. 319–341.

Ленин В.И. 1974/1917. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политическая литература. Т. XXXIII. С. 1–120.

Лукин П.В. 2000. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука.

Нерсесянц В.С. (ред.). 1985. История политических и правовых учений (Древний мир). М.: Наука.

Никольский Н.М. (ред.). 1914. История еврейского народа. Т. I: Древнейшая эпоха еврейской истории. М.: Мир.

Переломов Л.С. 1993. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука.

Подаляк Н.Г. 1988. Изменения в социальной структуре Ростака в конце XV — первой трети XVI в. // Классы и сословия средневекового общества / ред. З.В. Удальцова. М.: МГУ. С. 127–133.

Ребрикова Н.В. 1987. Государство, община, класс в буддийских обществах Центрального Индокитая (V–XV вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии / ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян. М.: Наука. С. 158–180.

Садовская Л.М. 1999. Политическая культура африканского лидера (харизма, вождизм) // Африка: особенности политической культуры / ред. Н.Д. Косухин. М.: Ин-т Африки РАН. С. 56–71.

Самозванцев А.М. 2001. Социально-правовая организация индийского общества в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. // ГИО. С. 259–292.

Степугина Т.В. 2004. Государство и общество в древнем Китае // ГДВ. С. 375–448.

Фролов Э.Д. 1988. Рождение греческого полиса. Л.: ЛГУ.

Хашаев Х.-М. 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Наука.

Хорошкевич А.Л. 1992. Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв. // История Европы. Т. II: Средневековая Европа / ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова. М.: Наука. С. 430–463.

Шихсаидов А.Р. 1975. Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во.

Штырбул А.А. 2006. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н.э. — II тысячелетие н.э.). Омск: Омский гос. пед. ун-т.

Энгельс Ф. 1985/1884. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат.

Abbink J. 2000. Violence and State (Re)formation in the African Context: The General and the Particular: Paper presented at the Seminar “War and Society”. Aarhus University, Denmark.

Adams R. McC. 2001. Complexity in Archaic States // JAA. Vol. 20. P. 345–360.

Anderson C.E. 1999. Formation and Resolution of Ideological Contrast in the Early History of Scandinavia: Unpublished Ph. D. dissertation. Cambridge: University of Cambridge.

Anderson D.G. 1994. The Savannah River Chiefdoms. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press.

Anderson D.G. 1996. Chiefly Cycling and Large-Scale Abandonments as Viewed from the Savannah River Basin // Scarry. P. 150–311.

Anderson D.G. 1997. The Role of Cahokia in the Evolution of Southeastern Mississippian Society // Cahokia Domination and Ideology in the Mississippian World / eds. T.R. Pauketat, T.E. Emerson. Lincoln, NE; London: University of Nebraska Press. P. 248–268.

Ardrey R. 1966. The Territorial Imperative: A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nation. N. Y.: Atheneum.

Armstrong R.G. 1960. The Development of Kingdoms in Negro Africa // Journal of the Historical Society of Nigeria. Vol. 2. P. 27–39.

Baines J., Yoffee N. 1998. Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient Egypt and Mesopotamia // AS. P. 199–260.

Balandier G. 1967. L’Anthropologie politique. P.: Presses Universitaires de France.

Bargatzky T. 1987. Upward Evolution, Suprasystem Dominance and the Mature State // ESD. P. 24–38.

Bargatzky T. 1993. Politik, die “Arbeit der Götter” // Handbuch der Ethnologie / eds. T. Schweizer, M. Schweizer, W. Kokot. Berlin: Reimer. P. 263–283.

Barth F. 1959. Political Leadership among Swat Pathans. L.: Athlone Press.

Barth F. 1987. *Cosmologies in the Making: A Generative Approach to Cultural Variation in Inner New Guinea*. Cambridge: Cambridge University Press.

Baum R. 2004. *Ritual and Rationality: Religious Roots of the Bureaucratic State in Ancient China* // SEH. Vol. 3 (1). P. 41–68.

Bloch M. 1961/1939–1940. *Feudal Society*. Chicago: University of Chicago Press.

Bondarenko D.M. 2004. *From Local Communities to Megacommunity: Biniland in the 1st Millennium B.C. — 19th Century A.D.* // ESAA. P. 325–363.

Bondarenko D.M. 2006. *Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th — 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga.

Bondarenko D.M. 2007. *Homoarchy as a Principle of Socio-Political Organization: An Introduction* // *Anthropos*. Vol. 102. P. 187–199.

Bondarenko D.M. 2008. *Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit* // SEH. Vol. 7 (1). P. 19–53.

Bondarenko D.M., Korotayev A.V. 2000. *Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison* // CCR. Vol. 34. P. 152–189.

Bondarenko D.M., Korotayev A.V. 2004. *A Historical-Anthropological Look at Some Sociopolitical Problems of Second and Third World Countries* // *Community, Identity and the State. Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East* / ed. M. Gammer. L.; N.Y.: Routledge. P. 14–41.

Bondarenko D.M., Nemirovskiy A.A. (eds.). 2007. *Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories. Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations". June 18–21 2004, Moscow. Selected Papers*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies Press.

Bradbury R.E. 1957. *The Benin Kingdom and the Edo-Speaking Peoples of Southwestern Nigeria*. L.: International African Institute Press.

Bradbury R.E. 1966. *Fathers, Elders and Ghosts in Edo Religion* // AASR. P. 127–153.

Brady T.A. 1991. *Rise of Merchant Empires, 1400–1700: A European Counterpoint* // *The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750* / ed. J.D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press. P. 117–160.

Britan G.M., Cohen R. (eds.). 1983. *Hierarchy and Society. Anthropological Perspectives on Bureaucracy*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues Press.

Brown P. 1951. *Patterns of Authority in Africa* // *Africa*. Vol. 21. P. 262–278.

Bulbeck F.D., Prasetyo B. 2000. Two Millennia of Socio-Cultural Development in Luwu, South Sulawesi, Indonesia // *World Archaeology*. Vol. 32. P. 121–137.

Campbell J.M. 1968. Territoriality among Ancient Hunters: Interpretations from Ethnography and Nature // *Anthropological Archaeology in the Americas* / ed. B.J. Meggers. Washington, D.C.: Anthropological Society of Washington. P. 1–21.

Carneiro R.L. 1981. The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / eds. G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge etc.: Cambridge University Press. P. 37–79.

Cashdan E.A. 1983. Territoriality Among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups // *CA*. Vol. 24. P. 47–66.

Casimir M.J., Rao A. (eds.). 1992. Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics. Oxford: Berg.

Chabal P., Feinman G., Skalnik P. 2004. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics // *SEH*. Vol. 3 (1). P. 22–40.

Christian D. 2004. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley etc.: University of California Press.

Claessen H.J.M. 1978. The Early State: A Structural Approach // *ES*. P. 533–596.

Claessen H.J.M. 1984. The Internal Dynamics of the Early State // *CA*. Vol. 25. P. 365–379.

Claessen H.J.M. 1985. From the Franks to France — The Evolution of a Political Organization // *DD*. P. 196–218.

Claessen H.J.M. 2000a. Ideology, Leadership and Fertility: Evaluating a Model of Polynesian Chiefship // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkerkunde*. Vol. 156. P. 707–735.

Claessen H.J.M. 2000b. Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden: Leiden University.

Claessen H.J.M. 2002. Was the State Inevitable? // *SEH*. Vol. 1 (1). P. 101–117.

Claessen H.J.M. 2003. Aspects of Law and Order in Early State Societies // *The Law's Beginnings* / ed. F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill/Nijhoff. P. 161–179.

Claessen H.J.M. 2005. Early State Intricacies // *SEH*. Vol. 4 (2). P. 151–158.

Claessen H.J.M. 2008. Before The Early State and After: An Introduction // *SEH*. Vol. 7 (1). P. 4–18.

Claessen H.J.M., Hagesteijn R.R., Velde P. van de. 2008. Early State Today // *SEH*. Vol. 7 (1). P. 245–265.

Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). 1978a. *ES*.

- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978b. The Early State: Models and Reality // ES. P. 637–650.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978c. The Early State: Theories and Hypotheses // ES. P. 3–30.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1981. SS.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de.* 1987. Introduction // ESD. P. 1–23.
- Cohen R.* 1978a. Introduction // OS. P. 1–20.
- Cohen R.* 1978b. State Origins: A Reappraisal // ES. P. 31–75.
- Cohen R.* 1981. Evolution, Fission, and the Early State // SS. P. 87–116.
- Colarusso J.* 1997. Peoples of the Caucasus // Encyclopedia of Cultures and Daily Life / ed. T.L. Gall. Pepper Pike, OH: Eastword Publications // URL: http://www.circassianworld.com/colarusso_2.html (accessed September 1, 2005).
- Crest A. du.* 2002. Modèle familial et pouvoir monarchique (XVIe–XVIIIe siècles). Aix-en-Provence: Presses Universitaires d’Aix-Marseille.
- Diamond J.* 1997. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N.Y.; L.: Norton.
- Diop T.* 1958–1959. Forme traditionnelle de gouvernement en Afrique Noir // Presence Africaine. Vol. 23. P. 1–16.
- Dräger L.* 1968. Formen der lokalen Organisation der Zentral-Algonkin von der Zeit ihrer Entdeckung bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie-Verlag.
- Earle T.K.* 1991. The Evolution of Chiefdoms // Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology / ed. TK. Earle. Cambridge etc.: Cambridge University Press. P. 1–15.
- Earle T.K.* 1994. Political Domination and Social Evolution // Companion Encyclopedia of Anthropology / ed. T. Ingold. L.: Routledge. P. 940–961.
- Earle T.K.* 1997. How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Evans-Pritchard E.E.* 1940. The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press.
- Evans-Pritchard E.E.* 1949. The Sanusi of Syrenaica. Oxford: Clarendon Press.
- Evans-Pritchard E.E.* 1951. Kinship and Marriage among the Nuer. Oxford: Clarendon Press.
- Feinman G.M., Marcus J.* (eds.). 1998. AS.
- Flannery K.V.* 1972. The Cultural Evolution of Civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics. Vol. 3. P. 399–426.
- Fortes M., Evans-Pritchard E.E.* (eds.). 1987/1940. APS.

Fried M.H. 1970/1960. On the Evolution of Social Stratification and the State // *The Logic of Social Hierarchies* / eds. E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham. P. 684–695.

Genicot L. 1968. *Le XIIIe siècle européen*. Paris: Presses Universitaires de France.

Godelier M. 1989. Kinship and the Evolution of Society // *Kinship, Social Change, and Evolution. Proceedings of a Symposium Held in Honour of Walter Dostal* / eds. A. Gingrich, Siegr. Haas, Sylv. Haas, G. Paleczek. Wien: Berger und Söhne. P. 3–9.

Haas J. 1995. *The Roads to Statehood* // APES. P. 16–18.

Hallpike C.R. 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press.

Hedeager L. 1992. *Iron-Age Societies: From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700*. Oxford; Cambridge, MA: Blackwell.

Irons W. 1975. *The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among a Central Asian Turkic-speaking Population*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Johnson A.W., Earle T. 2000. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Kaberry P.M. 1957. *Primitive States* // *British Journal of Sociology*. Vol. 8. P. 224–234.

Kaberry P.M. 1959. *Traditional Politics in Nsaw* // *Africa*. Vol. 29. P. 366–383.

Kamen H. 2000. *Early Modern European Society*. L.; N.Y.: Routledge.

Koloss H.-J. 1992. *Kwifon and Fon in Oku. On Kingship in the Cameroon Grasslands* // *KA*. P. 33–42.

Kopytoff I. (ed.). 1987. *The African Frontier. The Reproduction of Traditional African Societies*. Bloomington, IN; Indianapolis, IN: Indiana University Press.

Korotayev A.V. 2003. *Unilineal Descent Organization and Deep Christianization: A Cross-Cultural Comparison* // *CCR*. Vol. 37. P. 133–157.

Korotayev A.V. 2004. *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations. A Cross-Cultural Perspective*. Lewiston, MN etc.: The Edwin Mellen Press.

Kottak C.P. 2002. *Cultural Anthropology*. 9th ed. Boston etc.: McGraw-Hill.

Krader L. 1968. *Formation of the State*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Kradin N.N. 2008. *Early State Theory and the Evolution of Pastoral Nomads* // *SEH*. Vol. 7 (1). P. 107–130.

Kristiansen K. 1998. Europe before History. Cambridge: Cambridge University Press.

Kurtz D.V. 1991/1984. Strategies of Legitimation and the Aztec State // AAPB. P. 146–165.

Kurtz D.V. 2008. Social Boundary Networks and the Vertical Entrenchment of Government Authority in Early State Formations // SEH. Vol. 7 (1). P. 131–153.

Lewis I.M. 1965. Problems in the Comparative Study of Unilineal Descent // The Relevance of Models for Social Anthropology / ed. M. Banton. L.: Tavistock. P. 87–112.

Lewis I.M. 1999. Arguments with Ethnography. Comparative Approaches to History, Politics and Religion. L.; New Brunswick, NJ: Athlone Press.

Llobera J.R. 2007. An Invitation to Anthropology. The Structure, Evolution and Cultural Identity of Human Societies. N.Y.; Oxford: Berghahn Books.

Lowie R.H. 1927. The Origin of the State. N.Y.: Russel and Russel.

Lowie R.H. 1935. The Crow Indians. N.Y.: Farrar and Rinehart.

Lowie R.H. 1948. Social Organization. N.Y.: Rinehart.

Maine H.S. 1861. Ancient Law. Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. L.: Murray.

Maine H.S. 1875. Lectures on the Early History of Institutions. L.: Murray.

Mair L. 1965. An Introduction to Social Anthropology. Oxford: Clarendon Press.

Mair L. 1970/1962. Primitive Government. Baltimore, MD: Penguin Books.

Maisels C.K. 1987. Models of Social Evolution: Trajectories from the Neolithic to the State // Man (N.S.). Vol. 22. P. 331–359.

Maisels C.K. 1990. The Emergence of Civilization. From Hunting and Gathering to Agriculture, Cities, and the State in the Near East. L.; N.Y.: Routledge.

Malmberg T. 1980. Human Territoriality. Survey of Behavioral Territories in Man with Preliminary Analysis and Discussion of Meaning. The Hague etc.: Mouton.

McGlynn F., Tuden A. (eds.). 1991a. Anthropological Approaches to Political Behavior. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

McGlynn F., Tuden A. 1991b. Introduction // AAPB. P. 3–44.

McIntosh S.K. (ed.). 1999. BS.

Melzian H.J. 1937. A Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria. L.: Paul, Trench, Trubner and Co.

Middleton J., Tait D. (eds.). 1958. Tribes without Rulers. L.: Routledge & Kegan Paul.

Milner G.R. 1998. *The Cahokia Chiefdom: The Archaeology of a Mississippian Society*. Washington, DC; L.: Smithsonian Institution Press.

Morgan L.H. 1851. *The League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois*. Rochester, N.Y.: Sage.

Morgan L.H. 1877. *Ancient Society, Or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. Cleveland, OH: World Publishing Company.

Morony M.G. 1987. "In the City without Watchdogs the Fox is the Overseer": Issues and Problems in the Study of Bureaucracy // *The Organization of Power Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* / eds. M.G. Gibson, R.D. Biggs. Chicago: University of Chicago Press. P. 7–18.

Mudar K.M. 1999. How Many Dvaravati Kingdoms? Locational Analysis of First Millennium AD Moated Settlements in Central Thailand // *JAA*. Vol. 18. P. 1–28.

Murra J.V. 1980. *The Economic Organization of the Inca State*. Greenwich, CT: JAI Press.

Oosten J.G. 1996. Ideology and the Development of European Kingdoms // *IFES*. P. 220–241.

Palat R.A. 1987. The Vijayanagara Empire. Re-Integration of the Agrarian Order of Medieval South India, 1336–1565 // *ESD*. P. 170–186.

Parsons T. 1960. *Structure and Process in Modern Societies*. N.Y.: Free Press.

Parsons T. 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Peebles C.S., Kus S. 1977. Some Archaeological Correlates of Ranked Societies // *American Antiquity*. Vol. 42. P. 421–448.

Peterson N. 1975. Hunter-Gatherer Territoriality: The Perspective from Australia // *AA*. Vol. 77. P. 53–68.

Quigley D. 1995. The Paradoxes of Monarchy // *Anthropology Today*. Vol. 11 (5). P. 1–3.

Ray B.C. 1991. *Myth, Ritual, and Kingship in Buganda*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Reynolds S. 1990. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.

Robertshaw P. 1999. Seeking and Keeping Power in Bunyoro-Kitara, Uganda // *BC*. P. 124–135.

Romano D. 1987. *Patricians and Popolani: The Social Foundations of the Venetian Renaissance State*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Roussel D. 1976. *Tribu et cité: Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. P.: Plon.

- Sahlins M.D.* 1968. Tribesmen. Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- Scarry J.F.* (ed.). 1996. Political Structure and Change in the Prehistoric Southeastern United States. Gainesville etc.: University Press of Florida.
- Schapera I.* 1956. Government and Politics in Tribal Society. L.: Watts.
- Schildhauer J.K.F., Stark W.* 1985. Die Hanse. Berlin: Akademie Verlag.
- Schoenbrun D.L.* 1999. The (In)visible Roots of Bunyoro-Kitara and Buganda in the Lakes Region: AD 800–1300 // BC. P. 136–150.
- Schurtz H.* 1902. Alterklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin: Reimer.
- Shaw C.* 2001. Council and Consent in Fifteenth-Century Genoa // English Historical Review. Vol. 116. P. 834–862.
- Shiffert P.A.* 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States // ESD. P. 39–53.
- Silverblatt I.* 1988. Imperial Dilemmas, the Politics of Kinship, and Inka Reconstructions of History // CSSH. Vol. 30. P. 83–102.
- Simonse S.* 2002. Kingship as a Lever versus the State as a Killer of Suspense. Some Lessons from the Study of Early Kingship on the Upper Nile: Paper presented at the Conference “Kingship. A Comparative Approach to Monarchy from History and Ethnography”. University of St. Andrews, Fife, UK.
- Skalnik P.* 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana // IFES. P. 84–98.
- Skalnik P.* 2002. Chieftoms and Kingdoms in Africa: Why They are neither States nor Empires // URL: <http://asc.leidenuniv.nl/pdf/chieftomsandkingdoms.pdf> (дата обращения: 22.10.2003).
- Skalnik P.* 2004. Chieftom: A Universal Political Formation? // Focaal. Vol. 43. P. 76–98.
- Skalnik P.* 2007. Kingship and Chieftaincy // Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives / ed. D.S. Clark. Thousand Oaks, CA: Sage. Vol. III. P. 881–883.
- Smith E.O.* 1976. Crown and Commonwealth: A Study in the Official Elizabethan Doctrine of the Prince. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Smith M.E.* 1985. An Aspectual Analysis of Polity Formations // DD. P. 97–125.
- Smith R.C.* 1985. The Clans of Athens and the Historiography of the Archaic Period // Classical Views. Vol. 4. P. 77–105.
- Southall A.* 1956. Alur Society: A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge: Heffer.
- Southall A.* 1988. The Segmentary State in Africa and Asia // CSSH. Vol. 30. P. 52–82.

- Southall A.* 1991. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // ESE. P. 75–96.
- Southall A.* 1999. The Segmentary State and the Ritual Phase in Political Economy // BC. P. 31–38.
- Southall A.* 2000. On the Emergence of States // ASE. P. 150–153.
- Spencer C.S.* 1987. Rethinking the Chieftdom // Chieftdoms in the Americas / eds. R.D. Drennan, C.A. Uribe. Lanham, MD: University Press of America. P. 369–390.
- Spencer C.S.* 2003. War and Early State Formation in Oaxaca, Mexico // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. Vol. 100. P. 11185–11187.
- Spencer C.S., Redmond E.M.* 2004. Primary State Formation in Mesoamerica // ARA. Vol. 33. P. 173–199.
- Spier F.* 2005. How Big History Works: Energy Flows and the Rise and Demise of Complexity // SEH. Vol. 4 (1). P. 87–135.
- Stevenson T.R.* 1992. The Ideal Benefactor and the Father Analogy in Greek and Roman Thought // Classical Quarterly. Vol. 42. P. 421–436.
- Tainter J.A.* 1990. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tambiah S.J.* 1977. The Galactic Polity: The Structure of Traditional Kingdoms in Southeast Asia // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 293. P. 69–97.
- Tambiah S.J.* 1985. Culture, Thought, and Social Action: An Anthropological Perspective. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tanabe A.* 1996. Indigenous Power, Hierarchy and Dominance: State Formation in Orissa, India // IFES. P. 154–165.
- Tardits C.* 1980. Le royaume Bamoum. P.: Colin.
- Testart A.* 2004. La servitude volontaire. Vol. II. L'origine de l'Etat. P.: Editions Errance.
- Testart A.* 2005. Eléments de classification des sociétés. P.: Editions Errance.
- Trigger B.G.* 1985. Generalized Coercion and Inequality: The Basis of State Power in the Early Civilizations // DD. P. 46–61.
- Trigger B.G.* 2003. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tymowski M.* 1985. The Evolution of Primitive Political Organization from Extended Family to Early State // DD. P. 183–195.
- Tymowski M.* 1987. The Early State and After in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to Their Development // ESD. P. 54–69.
- Tymowski M.* 1996. Oral Tradition, Dynastic Legend and Legitimation of Ducal Power in the Process of the Formation of the Polish State // IFES. P. 242–255.

- Tymowski M.* 2008. State and Tribe in the History of Medieval Europe and Black Africa — a Comparative Approach // SEH. Vol. 7 (1). P. 171–197.
- Vansina J.* 1992. Kings in Tropical Africa // KA. P. 19–26.
- Vansina J.* 1994. Antécédents des royaumes Kongo et Teke // Muntu. Vol. 9. P. 7–49.
- Vansina J.* 1999. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory // BC. P. 166–172.
- Vansina J., Mauny R., Thomas L.V.* 1964. Introductory Summary // The Historian in Tropical Africa / eds. J. Vansina, R. Mauny, L.V. Thomas. L. etc.: Oxford University Press. P. 1–103.
- Vliet E.C.L. van der.* 1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece // ESD. P. 70–90.
- Vliet E.C.L. van der.* 2005. Polis. The Problem of Statehood // SEH. Vol. 4 (2). P. 120–150.
- Vliet E.C.L. van der.* 2008. The Early State, the Polis and State Formation in Early Greece // SEH. Vol. 7 (1). P. 197–221.
- Webb M.C.* 1975. The Flag Follows the Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // ACT. P. 155–209.
- Webb M.C.* 1984. The State of the Art on State Origins? // Reviews in Anthropology. Vol. 11. P. 270–281.
- Weber M.* 1947/1922. The Theory of Social and Economic Organization. N. Y.: Oxford University Press.
- Whitaker I.* 1968. Tribal Structure and National Politics in Albania, 1910–1950 // History and Social Anthropology / ed. I.M. Lewis. P. 253–293. L.: Tavistock.
- Wilkinson T.A.H.* 1999. Early Dynastic Egypt. L.: Routledge.
- Winter E.H.* 1966. Territorial Groupings and Religion among the Iraqw // AASR. P. 155–174.
- Wolf E.R.* 1966. Kinship, Friendship, and Patron-Client Relations in Complex Societies // The Social Anthropology of Complex Societies / ed. M. Banton. L.: Tavistock. Wright, H.T. P. 1–21.
- Wright H.T.* 1977. Recent Research on the Origin of the State // ARA. Vol. 6. P. 379–397.
- Wrigley C.C.* 1996. Kingship and State: The Buganda Dynasty. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zannini A.* 1993. Burocrazia e burocrati a Venezia in eta moderna: I cittadini originari (secoli XVI–XVIII). Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti.
- Zuidema R.T.* 1990. Inca Civilization in Cuzco. Austin: University of Texas Press.